

«Family values» в судьбах русских женщин в Германии

Елена Мадден, Наталья Крылова

Как вписываются выехавшие за рубеж россиянки в западное сообщество? Какой вектор определяет их ценностную ориентацию? Принимают они «family values» (ставшие в Америке визитной карточкой консервативного общества) или осознают необходимость новой ценностной шкалы, учитывающей особенности и потребности женщины? В какой мере воздействие этих двух мощных ценностных магнитов формирует маршруты судеб?

Тема, заявленная в заголовке, поистине необъятна – настолько же, насколько и болезненна. Необъятна потому, что в одной только Германии число русских (или русскоговорящих – из России и других бывших республик Советского Союза, разных национальностей, но с русским языком как родным) при всех квотах и ужесточениях правил приема постоянно растет. И потому, что группа «русских женщин за границей» даже в одной Германии весьма пестра по составу. В разных обстоятельствах оказываются женщины, вышедшие замуж за иностранцев, и женщины с русскими мужьями; женщины одинокие и женщины с детьми; домохозяйки и женщины работающие или те, кто ищет работу. Среди последних к отдельным категориям можно отнести женщин без образования и получивших образование – в России или в Германии. Дополнительную систематизацию можно было бы создать с учетом их профессионального статуса: бывшие служащие, женщины с технической или с «творческой» профессией и т.д. Свою специфику привнесет и учет разного статуса пребывания за границей – например, женщины, получившие вид на жительство в связи с собственной ситуацией или благодаря мужу, состоящие в «международном» браке или нет..

В ракурсе постановки проблемы хотелось бы в назывном порядке упомянуть и прочие различия этой пестрой группы, требующие артикуляции и описания. Надо бы сравнить эти судьбы с судьбами русских (русскоговорящих) женщин в России и странах бывшего СССР. Судьбы (им)мигранток – и представительниц «коренного населения». Женщин за границей – и мужчин, прибывших на тех же основаниях. А потом еще и сравнить успех «интеграции» в разных странах (ясно, что проблемы русских жительниц Турции отличаются от

сложностей, с которыми женщины сталкиваются, скажем, в Италии; «американские слезы русских жен» – не те, что проливаются «русскими женами» в Германии, и т.п.).

Другими словами, создание «периодической системы элементов» женского мира русскоговорящего зарубежья потребует титанической фигуры не меньше менделеевской и столь же титанического кропотливого труда.

К тому же, трудно найти верный тон: спектр вариантов показало обсуждение фильма «Американские слезы русских жен» М. Файнштейна на форумах женщин американского зарубежья. Нейтральная документация оказывается по определению невозможна. Должен ли это быть рассказ о проблемах, плач о жертвах, призыв к помощи? Или вселяющий веру в будущее рассказ об образцах «счастливой» интеграции? Или попытка нейтрального исследования «истины» в тех срезях и набросках, что мы уже имеем? Может быть, необходима попытка портрета тех, из-под чьего пера или уст выходят столь противоречивые свидетельства («я счастлива...» – «знала бы, ни за что бы...»). Можно выбрать стратегию информирования о рисках и опасностях – ради профилактики трагедий (хотя весьма проблематично, что такие предостережения останутся искательниц лучшей жизни). Но и здесь не обойтись без дифференциации целевой аудитории: кому адресовать обзор – (еще) остающимся, готовящимся отправиться в путь, или тем, кому надо срочно справляться с навалившимися проблемами «иноземья»?

Авторам статьи, имеющим собственный, хотя и весьма различный, опыт личностной адаптации за рубежом, наиболее актуальной и потенциально востребованной увиделась все-таки иная стратегия.

Общеизвестно, что ситуации внедрения в инокультурный контекст всегда провоцируют и интенсифицируют процессы осознания своего «я», в том числе и своей гендерной идентичности. Известно также, что при всей своей динамичности и поливариативности именно гендерные структуры более всего сопротивляются неизбежной трансформации и ассимиляции. Так, бытовой уклад русских староверов, живущих по сей день в Латинской Америке, дает нам беспримесное, химически чистое представление о традиционной русской крестьянской культуре. И точно так же сознание и проблемы бывших россиянок за рубежом являются почти идеальным материалом для полевых исследований отечественной фемининности.

Другими словами, анализ гендерного сознания и поведения «бывших, но подданных русских» (О. Митяев) может многое поведать «оседлым» россиянкам о них самих, о том, что не достигает стадии рефлексии по причине включенности в постоянно пульсирующий контекст повседневности, по причине нехватки насущной для анализа дистанции (буквальной географической или культурной). Нужно воистину оказаться «своим среди чужих», чтобы понять, кто же они такие, эти «свои». В ситуации поиска всеми постсоветскими наци-

ями своей новой национальной идентичности любая попытка приближения к решению этой огромной коллективной задачи нам видится актуальной. Тем более что прошлое у нас – общее, а значит, и проблемы – тоже.

Нельзя сказать, чтобы вопрос о русских женщинах за рубежом совсем не ставился в литературе, специальной и популярной. Однако проблемы женщин зарубежья часто используются пишущими о них в собственных профессиональных интересах. Сами женщины, живущие за границей, это прекрасно чувствуют и болезненно реагируют на любую попытку обсуждать их проблемы извне (и, соответственно, на малейшую фальшь в интонации, на малейшее проявление журналистской сенсационности).

Понятно, что положение женщин за границей может быть освещено только изнутри. Метод «включенного наблюдения», выбранный нами в качестве основного, представляется в этой связи наиболее оптимальным.

Кажется разумным ограничиться для начала фокусировкой задачи, а именно – констатирующим описанием разницы между различными группами «русских женщин Германии» и их типичных проблем¹. Хотя попутные понятийные «вылазки» за пределы понятийного конгломерата «русская женщина Германии» нам по необходимости все же придется сделать.

При этом попробуем связать удачу и проблемы женщин с ценностной системой феминизма, с его воздействием на положение женщин (совсем неважно, являются эти женщины его адептами или нет). Помогает ли «феминистический» настрой успехам или создает дополнительные проблемы в приютившей стране? Какой тип гендерного самосознания выявляет у наших женщин иная культура? Насколько травматичным (или, напротив, терапевтичным) оказывается столкновение российского типа феминности с западными стандартами?

«Мне бы Ваши проблемы!», или чья интеграция успешнее

Из бывшего Советского Союза Германия в массовом порядке принимает группы «русских немцев» («переселенцев») и еврейских эмигрантов. Последние приезжают с начала 1991 года как «контингентные беженцы»; основой появления этого целевого миграционного потока является решение правительства ГДР принимать евреев из России, одобренное перед объединением Германии. Довольно многочисленна группа «русских жен». Кроме того, есть проживающие в Германии русские мамы немецких детей, русские студентки или те, кто приехал из России работать по договору (например спортсменки, программистки). Все они получают в Германии разный статус и разные права – соответственно, и проблемы их разнятся.

Обнаружить наиболее «успешную» и наиболее «неудачливую» группу женщин-иммигранток поможет база данных, созданная Е. Мадден в 2006 году

на основе анкетирования мам, отдавших своих русскоговорящих детей в билингвальные садики берлинского объединения «Митра».

Отвечали на анкету 29 женщин. Большинство из них (14) находятся в Германии со статусом «поздних переселенок» («русских немок»), 7 – «русские жены» из «международных» браков, две прибыли «по еврейской линии». Остальные имеют вид на жительство в качестве супруг тех же «переселенцев» или «контингентных беженцев» или временную визу (2 женщины, в том числе одна спортсменка). Далее говорится только о тех, кто выбрал Германию как постоянное место жительства.

Это, конечно, очень разные группы. По образовательному уровню, по знанию немецкого языка, по занятости.

Самой большой по численности группой оказались «переселенки» – «русские немки» (далее РН).

Переселенцы пользуются правом въезда в Германию с 50-х годов. По данным федеральной администрации, с 1950 г. до конца 2003 г. с этим статусом в Германию въехали более 2 млн человек – 2 240 210². Переселенцы (с 1993 г. они именуются «поздними переселенцами») по сравнению с другими иммигрантами – группа привилегированная. Например, они получали и получают немецкое гражданство в ускоренном и упрощенном порядке (с 1997 года все же должны сдавать языковой тест). Уже в 90-е годы они могли бесплатно посещать языковые курсы и принимать интеграционную помощь в другом виде (специальную финансовую или через 6 месяцев – социальную, если получате-

	«переселенки»	жены переселенцев	«континг. беженки»	жены континг. беженцев	жены немцев
количество (всего 27)	14	2	3	1	7
в Германии:					
>10 лет	9		2		2
>5 лет	3	1			2
знание нем.:					
«отличное»	5		2		4
«слабое»	2	2		1	
проф. образование	3	2	1		5
в т.ч. вышее	+4 учатся 1 + 2 студентки	1	+ 1 учится 1 +1 учится	1	+ 1 учится 4 1 студентка
работают	4		1		4
заняты дома	6	2			
матери-одиночки	2		1		

лю не удалось найти работу; помощь в профориентации, переобучении, повышении квалификации, образовании; страхование и т.д.)³.

Естественно ожидать, что это группа с минимумом проблем, тем более что именно эти женщины в среднем имеют наиболее продолжительный опыт проживания в Германии. Но при обращении к данным проведенного социологического опроса эти ожидания опровергаются.

Казалось бы, РН должны владеть немецким языком лучше остальных. Однако только небольшой процент женщин (5 из 14, т.е. меньше трети) оценили свои знания немецкого как отличные; две скромно считают, что знают язык плохо (одна из них ходит на языковые курсы).

При этом высокая самооценка языковых знаний в первой группе вовсе не означает действительно высокого уровня владения языком! Вопросы анкеты предлагались на двух языках, отвечать можно было на любом языке. Практически все РН сделали выбор в пользу языка страны проживания и, похоже, даже не обращали внимания на русский «подстрочник». В анкетах многие РН назвали немецкий «родным» языком. Однако представления по меньшей мере некоторых РН о собственной языковой компетенции явно завышены – это показывает внимательное чтение заполненных анкет. Из многих ответов явно следует, что вопросы не были поняты. Во всяком случае, ответы иногда трудно было понять. Некоторые высказывания – даже у тех, кто оценил свои знания немецкого на «отлично» – поражают некоторой несусразицей: женщина сообщает, что ее муж закончил «реальную школу» (о каком-либо высшем образовании не упоминается), а в графе «профессия» пишет, что он «врач, юрист» (речь идет, возможно, о жизненных планах или скорее о желании получить когда-нибудь в будущем «профессию мечты»)...

Причина завышенной самооценки, возможно, кроется в априорном убеждении: у немки/ца по рождению, с детства имеющей/его определенный словарный запас в немецком, с этим языком проблем быть не может. Дело усугубляется еще и тем, что женщинам этой группы практически не с кем сравнивать себя как носительниц языка. Показательно, что большинство (8 из 14) из группы замужем, опять-таки, за «русскими немцами», их круг общения – люди той же социально-языковой группы.

Результаты анкет фактически подтверждают официальную статистику, касающуюся «поздних переселенцев» вообще (как мужчин, так и женщин). По официальным данным, «очень хорошо» знают немецкий лишь 14 % «русских немцев»; напротив, «очень плохо» – 29 %⁴. Любопытно, что «переселенки» владеют немецким несколько лучше мужчин той же группы. Из 9 мужчин-переселенцев, представленных в базе данных, лишь один – т.е. меньше в процентном отношении, чем среди женщин – обладает отличными знаниями немецкого, четверо – в процентном отношении больше – знают язык страны проживания слабо.

Языковой и образовательный уровень РН (в этой группе – наименьший процент лиц с профессиональным, в том числе с высшим образованием), понятно, мешают «переселенкам» найти работу. Больше трети женщин из базы данных заняты исключительно дома.

Похожие ситуации – у жен переселенцев. Обе ответившие на анкету женщины знают язык плохо. Обе не работают (хотя получили образование).

А вот из 9 мужчин-переселенцев, представленных в базе данных, безработных несколько меньше: всего лишь треть...

Дело тут, на наш взгляд, не только в том, что женщины заняты воспитанием детей. Данные немецкой статистики говорят о том, что рынок труда более благоприятен для мужчин-переселенцев, чем для женщин. Объяснение специалистов: дело в профессиях, выбранных мужчинами и женщинами. Профессии мужчин-переселенцев – как правило индустриальные и ремесленные (44%), женские профессии чаще принадлежат сфере обслуживания (58%)⁵, то есть сфере, где часто необходимо знание компьютера (особенно людям с высшим образованием) и владение навыками коммуникации. Следовательно, без хорошего знания языка этой категории работников не обойтись. Вот и не находят работу переселенки и, сидя дома, теряют квалификацию и социальный статус (учительницы становятся воспитательницами, секретарши – уборщицами и т.п.). Шанс переобучения РН не используют все по той же причине – мешает слабое знание немецкого. В результате именно женщины-переселенки «подвергаются наивысшему риску на рынке труда»⁶.

Официально парадокс слабого знания немецкого в семьях «русских немцев» объясняется годами дискриминации (в том числе языковой) немецкого меньшинства в России. О схеме вытеснения немецкого языка из быта таких семей писали, например, участницы русско-немецкого исследовательского тандема Катарина Менг (многие годы работавшая в проекте «Языковая интеграция переселенцев» Мангеймского института немецкого языка) и Екатерина Протасова (позднее она перенесла свои занятия многоязычием в практическую сферу, основав в Финляндии двуязычный детский садик). По их наблюдениям, в больших и разветвленных семьях «русских немцев» (насчитывающих порой более 50 человек) немецкий «представляют» прабабушки и прадедушки нынешних детей. В России от поколения к поколению престижный русский (язык образования и культуры) вытеснял немецкий; сегодняшние мамы и папы оказались практически одноязычными – русскоговорящими. Поэтому за немецкий в такой семье «отвечает» поколение прабабушек и прадедушек; но они говорят, как правило, на диалектном и устаревшем немецком⁷.

Еще одним официально признанным объяснением слабой языковой интеграции русских немцев в Германии является их геттоизированное проживание – слишком компактное, слишком концентрированное. Принимающая сторона в этом случае вынуждена лавировать между Сциллой и Харибдой: с од-

ной стороны, учитывать настрой местного населения, которое не желает избыточного скопления переселенцев (пугают выросшие в среде чужой культуры подростки, перевес иностранных детей в школах, конкуренция «чужаков» на рынке труда); с другой стороны, приходится принимать во внимание желание членов больших переселенческих семей жить вместе. В этой связи напрашивается сравнение «русских немцев» с «немецкими турками»: их «безъязыкость» стала в Германии притчей во языцех; они тоже селятся компактно, так что целые городские районы превращаются в «турецкие». Статистика, однако, ставит перед парадоксальным фактом: проживающие в Германии турки владеют немецким языком... лучше, чем «русские немцы». «Очень хорошо» знают немецкий 29% турок (против, напомним, 14% «русских немцев»), а «очень плохо» – всего лишь 8% турок (против 29% «русских немцев»)⁸. Можно было бы решить, что именно интеграционные мероприятия снижают собственную активность немцев, приехавших из России, если бы такому выводу не мешала одна деталь: сокращение расходов на «интеграционные мероприятия», которые в итоге дают лишь минимальную помощь. (Например, 6-месячные языковые курсы не слишком помогают овладению языком.)

Нельзя сказать, что РН, с их стороны, ничего не предпринимают для усвоения немецкого. Как раз наоборот, они нередко настроены даже не на интеграцию в немецкое общество, а на ассимиляцию. Они стесняются своего русского и среди немцев говорят с детьми на ломаном немецком (в общественном транспорте, магазинах и т.п.). Они (как и «русские немцы» вообще) оснащают свою русскую речь огромным количеством немецких слов (названиями товаров, словечками из обихода немецкой торговли, названиями учреждений или формуляров и документов). Они пытаются говорить на (плохом) немецком даже с русскоязычными собеседниками. Странное впечатление производит разговор в «русском» – принадлежащем «русским немцам» – магазине: русскому покупателю приходится принимать правила игры и говорить по-немецки с продавщицей, в речи которой ясно слышится русский акцент. При этом даже и названия русских продуктов онемечиваются: «блiни», «пирoги»... Наиболее последовательные и в собственной семье пытаются перейти на немецкий (даже если знают язык слабо). Итогом усилий войти в немецкую речь оказывается своеобразный смешанный язык, который по образцу уже описанного в научной литературе «американского русского» (нового «пиджина» на русско-американской основе)⁹ надо бы назвать «немецким русским». Вот некоторые его образчики, позаимствованные на русскоязычном германском форуме: «Как они считают мербедарф – фиг их знает... да и не важно», «Я решила что выгоднее всего быть кляйнунтернемером. Вот получу гевербеерлаубнис и проверю» и т.д.¹⁰.

Если мужчины часто просто не находят времени совершенствовать немецкий, у женщин немаловажные причины проблем в овладении языком – психологические. Например, многими движут (вполне понятные) опасения: если

успешен языковой тест (условие въезда в Германию), как можно требовать усиленной языковой помощи в рамках интеграционных курсов? К тому же, сам факт, что немецкий – по определению родной язык РН, заставляет их переоценивать свой исходный языковой уровень и недооценивать затраты сил, нужные для полноценного овладения языком. Многие РН по неведению считают, что язык усваивается автоматически, достаточно оказаться в языковой среде. При этом стыд за ущербность «родного» немецкого мешает совершенствовать его, общаясь с местным населением. Результат – отчужденность от «немецких немцев», замыкание в кругу все тех же «переселенцев». В итоге тормозятся вхождение в немецкое общество, поиски работы – что, естественно, усугубляет изоляцию. Переселенки все безнадежнее оказываются запертыми в кругу семейных задач...

Язык диктует эти судьбы.

Что существенно, он не только отчуждает от немецкого мира, в который «русские немки» должны были бы естественно входить, но влияет и на будущее семьи. Прежде всего – на развитие отношений с детьми.

Дети – утешение и надежда «переселенков» (в конце концов, ради детей и затевался переезд, говорят они себе). Но именно в детях и зреет еще одна катастрофа. Дети, рожденные в русских (по типу культуры) семьях, переживают языковой шок, когда приходят наконец в немецкий детский сад или школу (во многих семьях родители воспитывают детей дома: зачем отдавать в садик, ведь мамы не работают. Шок от отсроченной социализации в этом случае оказывается еще более травматичным).

Обучение немецкому семьям легковверно передоверяет школе, однако немецкая школа с 70-х ориентируется не на язык, а на речь – ценит и развивает не знание языковой системы (грамматики, законов письменного языка), а умение говорить («коммуникативную компетенцию», по Ю. Хабермасу)¹¹. В последнее время, к тому же, побеждает настрой немецкого педагогического сообщества на «самообучение»: вводимое совместное обучение детей первого и второго класса считается полезным для социализации детей и для усвоения ими знаний, ведь объяснения старших детей для младших «понятнее», чем учительские. Немецкая практика «субмерсии» (обучение иностранных детей в одном классе с немецкими – неудачное применение канадского «погружения» – метода преподавания на языке меньшинства) не учитывает стартовый языковой уровень детей. Он часто переоценивается: о развитости языка судят по способности ребенка поддерживать бытовой разговор.

Так формируется классическая ситуация «двойного полуязычия» – явления, описанного скандинавами¹² и интерпретированного Дж. Камминсом¹³: ни первый, ни второй язык не развиваются в достаточной мере. Даже если ребенок может обсуждать на чужом языке бытовые темы (*BISC – basic interpersonal communicative skills*), он не овладевает языком как орудием мышления, позна-

ния (*CALP – cognitive academic language proficiency*); родной же язык останавливается в развитии и нередко деградирует – ребенок остается «без языка»¹⁴.

Есть и более опасные последствия «двойного полуязычия»: остановка в языковом развитии негативно сказывается на развитии интеллектуальном. Наконец, у ребенка развивается неуверенность в себе, комплекс неполноценности, агрессивность. Возможен, однако, и еще худший сценарий – дети теперешних мам общаются только с себе подобными и обвиняют родителей в своих несложившихся судьбах.

Для мам, все поставивших на одну карту заботы о семье, такое будущее не сулит ничего хорошего – без языка, без работы, в изоляции от немецкой среды, с отдалившимися детьми, чье будущее тоже далеко не радужно...

Как проигрывают «победители». Пиррова победа?

На первый взгляд, успех сопровождает женщин, которые приехали в Германию как «контингентные беженки» или вышли замуж за «контингентных беженцев»: у них, как правило, нет проблем со знанием языка (единственная женщина со слабым знанием языка проживает в Германии чуть больше года), все они получают образование или работают. Неплохо обстоят дела у русских женщин, состоящих в браке с немцами: большинство из них отлично знают язык, имеют образование (как правило, высшее), работают. Другими словами, «интеграционную гонку» выигрывают более образованные, лучше знающие язык. Они в итоге и более независимы – в принципе способны справиться с трудностями в чужой стране и без мужей, в одиночку.

Значит ли это, что ситуация «самостоятельных» женщин более благополучна? И да, и нет, хотя скорее нет – если учесть эмоциональное состояние, «фактор стресса», то, какой ценой достигается «выигрыш». Проблемы этих женщин имеют скрытый характер.

Дело в том, что женщины этих групп имеют большие притязания, ставят перед собой более амбициозные задачи – и достигают результата большими (по сравнению с РН) усилиями. «Контингентные беженки» изначально свободнее в выборе линии поведения: им доступны и независимая карьера, и самореализация в семье, и попытки творчества. Они могут сосредоточиться на собственной интеграции, отложив образование семьи на потом. На этом фоне интереснее присмотреться к супругам немцев (далее – СН). «Русские жены» изначально уже обременены семейными заботами: быть женой – условие их вида на жительство. Все, что они планируют, должно быть предпринято ими в дополнение к этому обстоятельству их жизни.

«Быть женщиной – великий труд» – этот афоризм поэта воплощается в быту СН в очень конкретном наборе задач и проблем, забот и тревог.

«Русским женам» предстоит:

- овладеть немецким языком и/или совершенствовать его: он должен быть не только языком семейного общения (бытовым), но и языком карьеры;
- пройти профобучение или
- добиться признания диплома (что чаще всего предполагает курсы повышения квалификации). В том случае, если наличествующее образование женщины решительно не востребовано в современной Германии (чаще это относится к гуманитарным профессиям, например, учительница русского и литературы и т.п.), женщине приходится пойти на переобучение, т.е. пройти цикл получения образования заново;
- пройти все подготовительные ступени на пути к рабочему месту (обычные стадии вхождения в профессию в Германии включают волонтерат, практику и т.п.) – и только затем,
- входя в рынок труда на равных условиях с немецкими женщинами, противостоять стрессам, связанным с перегрузками, сопряженными с вхождением в новую среду;
- завязывать социальные связи;
- при этом показывать себя в этой новой среде достойно: быть интересной собеседницей, следить за новинками местной политики и культуры, понимать их значение, что предполагает свободную ориентацию в социально-культурном контексте страны, приобретаемую аборигенами за десятилетия существования, многообразных коммуникаций и профессионального функционирования. (Само собой разумеется, что и в собственной русской культуре русская женщина тоже захочет продолжать оставаться своей.)

К этому добавляются традиционные женские заботы (некая замена старым добрым немецким «трём К»: *Kinder, Küche, Kirche* – дети, кухня, церковь). Ведь эти женщины продолжают заниматься домашним хозяйством, воспитывать детей: придя домой после работы, они превращаются в домработниц и нянь. К тому же, как правило, они ведут активную «общественную жизнь» в разного рода гражданских объединениях и инициативах (в Германии очень развиты традиции местного самоуправления – *Kiez, Gemeinde, Verein*). Например, женщины могут основать объединение двуязычных мам – и устраивать русские праздники, собираться по воскресеньям, чтобы играть с детьми в русские игры и т.д. (Любопытный факт берлинской русской жизни: русско-немецкие воспитательные учреждения, в которые отдают детей РН и СН, отличаются уже обстоятельствами основания. Первые – например, садики, школа, воскресная школа, принадлежащие объединению «Митра», организационные ответвления клуба «Диалог» – созданы для детей РН; а вот объединение «Карусель» порождено усилиями самих СН.)

Дома «русские жены» добровольно и охотно выполняют роль домашнего психолога, помощника в делах мужа и т.п. Они оказываются каналом-громоотводом негативных эмоций мужа, накопленных им на работе, становятся самостоятельными психотерапевтами (а иногда и специально получают эту профессию).

Общение с мужем и его близкими приводит их к открытию того общеизвестного факта, что разница культур – не что-то абстрактное: она обнаруживает себя в быту, на капиллярном уровне в отношениях с близким человеком. Общеизвестность факта, однако, нисколько не уменьшает те фрустрации, которые возникают на фоне ежедневных накапливаемых недопониманий, обсуждать/рационализировать которые способен и согласен далеко не каждый мужчина. СН должны, например, научиться экономить и отказаться от представления о том, что любящий муж безгранично щедр и готов спустить состояние, исполняя любой каприз своей «половины». Или им предстоит понять, что некоторая сдержанность в проявлении чувств совсем необязательно говорит о недостатке любви или эмоциональной бедности характера – она культурно обусловлена, объясняется бытовыми традициями¹⁵.

Не говоря уже о том, что СН (по крайней мере, на первых порах) довольно много времени отдают тому, что именуется «заботой о собственной внешности», и превращают фитнес, макияж и поиски элегантной одежды в подобие работы. В занятие обязательное, систематическое, основательное.

Дети – особый предмет забот и тревог. Дети растут двуязычными, и мама заинтересована в том, чтобы поддерживать их русский. Если, конечно, она не хочет серьезных проблем в будущем.

Вариантов лавирования здесь немного. В Германии (не многоязычной, не мультикультурной по типу стране) немецкий неизбежно оказывается доминантным языком, а русский – «слабым». Проблема, с которой сталкиваются не только русские мамы, но даже и мамы англоговорящих детей в Германии, заключается в том, что здесь «слабым», как это ни странно, оказывается даже и «мировой язык», активно вторгающийся в немецкую речь и побуждающий местных ученых бить в набат, заявляя о языковом империализме, языковой дискриминации или «англицистском засорении окружающей среды»!¹⁶ Как бы там ни было, даже и англоговорящие дети в Германии больше и лучше говорят по-немецки, чем по-английски.

Дети общаются на немецком не только с ровесниками, но и с родителями. Часто наблюдаешь: мама обращается к ребенку по-русски (по-английски, по-итальянски...), а он отвечает... на немецком, вынуждая тем самым маму принимать правила игры. Иначе говоря, в Германии язык среды порабощает детей иноговорящих мам. Артикулированную французскими философами идею о том, что язык говорит человеком, русские мамы Германии переживают на собственном опыте и совсем не фигурально.

Если русскоговорящие матери не пытаются противостоять этим тенденциям, их ожидают серьезные трудности в общении, что неизбежно происходит, когда словарный запас и общее владение языком у ребенка перерастет возможности родительницы. Той глубины общения с ним, что возможна только на родном языке, мама больше не дождется. Навязанного ей языка общения не будет хватать для того, чтобы полноценно общаться с подростком – объяснять тонкости своего отношения к миру, говорить о серьезных проблемах. Когда ребенок войдет в переходный возраст, несовершеннолетнего мамино немецкого подростка с большой долей вероятности будет стыдиться; будет избегать знакомить друзей с матерью... Все это превосходно описано, например, в старой книге Тове Скутнаб-Кангас, финско-шведско-датской феминистки, публициста и исследовательницы проблем меньшинств¹⁷.

Итак, СН, в отличие от их мужей и детей, не имеют возможности расслабиться дома – их «свободное время» отдано опять-таки работе. От женщин России германских «русских жен» отличает необходимость ежечасно овладевать чужим языком, менталитетом и обычаями. От РН – умение работать и одновременно справляться с бытовыми проблемами. Даже воспитанием детей (а это домашняя работа, которая не может не быть интересной и волнующей и для мужчин) именно СН занимаются чаще в одиночку. В анкете, на основе которой создавалась наша база данных, был вопрос о том, сколько времени проводит с детьми отец. Жены немцев чаще, чем РН, отвечали: очень мало или совсем нисколько. Особенность при этом заключается и в том, что обременять себя регулярным сидением с детьми немцы, рожденные в Германии, в отличие от бабушек и дедушек родом из России, категорически не готовы – стиль отношений между поколениями внутри семьи здесь гораздо более дистантный, светский.

А от немецких женщин «русских жен» отличает принципиальный настрой на «совмещение несовместимого» – образования, работы, быта, воспитания детей.

Есть любопытная немецкая статистика. Озабоченные демографическими проблемами немецкие специалисты подсчитали: из немецких «интеллектуалок» (тех, кто имеет высшее образование) 23% бездетны (среди тех, кто вырос в Западной Германии, их даже больше – 30,4%). А из женщин-иностранок, получивших высшее образование за границей, без детей остались лишь 9,1%¹⁸. Приводимые данные касаются женщин, родившихся в 1961–1965 годах, – то есть большую часть так называемого поколения «одиночек»¹⁹ (первое поколение, которое не восставало против традиционного жизненного стиля, как шестидесятники, но в действительности выбирало; и выбрало – одинокий образ жизни...). Лишь в следующем поколении («поколении гольф», рожденном в 1965-1975 годах) отношение к семейным ценностям начинает меняться²⁰.

Откуда это героическое стремление СН «объять необъятное» – совместить интеграционные усилия и личностное развитие, образовательный и профессиональный рост, работу и семью?

Первый ответ лежит на поверхности – от традиционной российской женской ментальности, которую советские десятилетия нисколько не изменили. Изначальный советский эмансипационный проект, как известно, очень быстро потерпел поражение, и эксплуатация женщин в семье лишь дополнилась обязательным вовлечением в производительный труд и общественный активизм. Образцом этого стиля жизни оказывался для нынешних «русских жен» быт и стиль жизни их мам, свято веривших, что лучший отдых – это пресловутая смена деятельности, и отдохавших после работы... в работе по дому. Весьма симптоматично, что либерализация советского политического режима, произошедшая в постперестроечные десятилетия, совершенно не затронула тех глубинных антропологических слоев общественного сознания, где хранятся его гендерные матрицы. Массовая культура – этот надежный и бесперебойный транслятор коллективного бессознательного – великолепно демонстрирует преемственность современных потребительски-шовинистических моделей женственности от самых махровых советских патриархатных образцов.

Лирический вариант этой идеологии обнаруживаем в популярной песне периода «развитого социализма» на слова В. Бокова, где лирический субъект обязуется назвать свою возлюбленную всеми известными ему ласковыми прозвищами («реченькой», «звездочкой», «зоренькой», «солнышком») в обмен на ряд совсем не символических свершений: «только ты дальше теки», «только ты ярче свети», «только ты раньше вставай» и, наконец, точно по теме этой статьи – «только везде успевай». Позднее, в пору «бушующих девяностых», взошедший на пародировании популярных массовых тем и жанров талант Профессора (Алексея) Лебединского произвел текст, который, в силу его необычной гротескности, мы позволим себе фрагментарно процитировать:

Если б ты была министром
или попросту царем,
И ходила в белом фраке с дипломатом...
Если б в сборной по хоккею
ты была бы вратарем
И стояла на границе с автоматом...
 Может, ты была бы птицей
 с огромной головой
 Или рыбой с бирюзовыми глазами...
Если ты профессионально прерывала бы запой
И Ван Дамма замочила на татами...

А так-то че? Гуд бай, гуд бай!
И разошлись наши узкие тропинки.
А так-то че? Гуд бай, гуд бай!
Проснись и пой, подруга Нинка!..

Массовый исход «русских невест» происходил в девяностые как раз на подобном музыкальном фоне, и уезжали они, помимо всего прочего, и от этого обнажившегося (но не возникшего!) при распаде всех цивилизационных институтов потребительского отношения к женщине. Трагедия и настоящая проблема, однако, состоит в том, что уезжали именно с этим сознанием, включенным в структуру своей идентичности и сохраненным в языке.

Если верно, что «русским женам», бессознательным носительницам патриархатных поведенческих моделей, трудно оттого, что они слишком за многое берутся, то, может быть, им следовало бы редуцировать свои притязания (не отказываясь от какой-либо из своих забот – к этому они вряд ли готовы)? Или хотя бы поменять местами приоритеты? Кажется, разумнее всего было бы сосредоточиться на задаче «интеграции», а семейным обязанностям отдавать должное, но без излишнего пыла и рвения, без утрированной старательности. Короче говоря, хотя бы на время поставить во главу угла личные интересы, а не интересы семьи, особенно если возраст не вынуждает торопиться с родами.

Почему же этого, как правило, не происходит? Стоит задаться вопросом: какими внешними источниками эта патриархатная роль утверждается и пропагандируется? Соответственно, кто оказывается скрытым противником идеи развития женской личности (называя ее «феминизмом» или используя иные псевдонимы-эвфемизмы – «эвфем(ин)измы»)?

Эти источники можно условно подразделить на отечественные и западные. Условно потому, что в глобализированном мире обмен информацией давно уже идет без учета внешних границ. Но поскольку российская и западная сексистские информационные матрицы имеют разные истории и задачи, удобно было бы их все-таки дифференцировать.

«Кто виноват?» Имиджи и мифы. «Феминизм» с точки зрения «рынка невест»

Задавшиеся целью завербовать «доброволиц» въехать на Запад на белом коне брака начинают свой «интерактив» с ними постановкой риторического вопроса: почему потенциальные партнеры отправляются на поиск невесты так далеко? Почему отваживаются на риск выбора зачастую без предварительного личного знакомства? Почему рискуют, доверяясь посредникам, то есть лично не знакомым?

Ответ на эти вопросы так или иначе содержит неизбежную манипуляцию с понятием «феминизм»²¹. Воинствующий антифеминизм – вот тот магический ключ, который, по утверждению международных брачных агентств, отпирает «русским красавицам» двери на Запад; вот слово, объясняющее секрет «неизбежного» успеха русских женщин у западных мужчин. Короче говоря, слово-жупел «феминизм» призвано придать убедительность заявлению о том, что акции западных женщин котируются на «рынке невест» ниже, чем акции россиянок или других женщин из бывшего СССР.

Логика данной риторической манипуляции позволяет предельно упростить и довести до абсурда суть дела: на Западе «женщины не хотят быть женщинами», «не хотят сами ухаживать за собой, не хотят, чтобы мужчины ухаживали за ними», «не хотят семьи и детей», «погружены в себя и материалистичны». Мужчины же, по заявлению текстовиков тех же сайтов²², ищут партнерш, способных к соблазнению и деторождению, так как – трудно удержаться от цитирования оригинала! – «мужчинам хочется родить ребенка».

Казалось бы, скандалы, связанные с «импортом невест» из России (денежное вымогательство, обман потенциальных женихов из англоязычного пространства) должны были пошатнуть как международный брачный бизнес, так и его мифы, однако этого не произошло. Так, веб-страница с «черным списком» женщин-обманщиц²³, энергично продолжая дело посредничества, старательно спасает репутацию женственной идеалистичной русской невесты, отнюдь не «феминистки»: специально подчеркивается, что за спинами обманщиц чаще всего стоят предприимчивые мужчины, женщины же – едва ли не жертвы: всего лишь поставщицы фотографий, оплачиваемых по минимуму.

Любой хоть немного ориентированный в феминистской повестке читатель с легкостью оценит эту антифеминистскую риторику как абсурдную и манипулятивную, ибо только в патриархатно-антифеминистской среде и возможна подобная виктимизация женщин, и как раз те из них, кто добровольно позиционируют себя как «борцов с феминизмом» (хотя бы и пассивных), автоматически становятся потенциальными жертвами мошенничества и компрометации всех родов.

Итак, значительная часть «русских невест» прибывает за границу в полной уверенности, что именно «ориентированность на семью и воспитание детей» определяет их ценность в западном мире и привлекает к ним потенциальных мужей²⁴. Таким образом, глубоко интериоризированные патриархатные стереотипы, помноженные на воинствующее невежество в области того самого страшного «феминизма», создают дополнительные препятствия на пути культурной адаптации русских женщин за границей, где шкала женственности представлена намного многообразнее, чем в современном российском Барби-лэнде. Однако кто из посетительниц сайтов знакомств читает Андреа Дворкин или Элейн Шоуолтер?..

Но что же они читают? Какой беллетристический дискурс может коррелировать с современным отечественным сексизмом, подпитывая его?

Квазизащита секса.

Феминизм и его эвфемизмы; (эв)феминизмы

Подтверждения негативного имиджа «феминизма» (впрочем, скорее имплицитные) читающая женская публика найдет и в западной беллетристике. «Платформу» М. Уэльбека²⁵ можно, конечно, прочитать как репликацию идей «Любовника леди Чаттерлей» – как восстановление в правах сексуального влечения, его поэзию и «теорию». «Платформа» ставит вопрос о том, что охлаждает отношения полов на современном Западе.

Роману Лоуренса дополнительную энергию придавал «революционный протест» против классовой кастовости: сексуальное желание уравнивало любовников, принадлежащих к разным классам. Уэльбек, на первый взгляд, столь же «демократичен», создавая апологию влечения любовников, принадлежащих разным странам и нациям: оно, это влечение, побеждает различия культур.

Уэльбек, как и его герой-протагонист, предлагает на первый взгляд гендерно сбалансированную модель: на Западе оба пола равно страдают в том тупике, куда загоняет их цивилизация. В ключевом пассаже повествование передоверяется объединяющему «мы»: «Мы стали холодными, рациональными, мы ставим превыше всего свою индивидуальность и свои права: мы стремимся в первую очередь быть ничем не связанными и независимыми». Однако на других страницах это собирательное «мы» непоправимо расщепляется. В романе возникает (и побеждает) фактически обвинительный акт (феминизированным) женщинам: «В наши дни мало женщин, которые бы сами получали радость от секса и хотели бы доставлять ее другим. Сейчас соблазнить незнакомую женщину и переспать с ней – целая история. Как подумаешь, сколько нуднейших разговоров придется вытерпеть, прежде чем затащишь ее в постель, а любовницей она скорее всего окажется никудышной, да еще прожужжит уши своими проблемами, расскажет обо всех своих прежних мужиках, заодно даст понять, что сам ты не на высоте, и вдобавок заставит тебя провести с ней остаток ночи – как представишь себе все это, понятно станет, почему мужчины готовы платить, лишь бы избежать такой канители».

Альтернатив герою видится немного, и одна из них – сексуальный туризм. Или – нетрудно продолжить эту логическую траекторию – сексуальный импорт (с логичным превращением партнерства в длительное – в брак).

Судя по историям, которые время от времени всплывают в прессе, роль партнерш из стран третьего мира на деле оказывается совсем иной, чем спа-

сать сексуальное желание в мире, испорченном избытком «рационализма» и «индивидуализма». Нередко муж, вывозящий партнершу-невесту из менее развитой и богатой страны, ищет попросту дешевую рабочую силу. Или объект неограниченного произвола и насилия, позволяющий мужчине реализовать вытесненные патриархатные инстинкты и стремления (к неограниченной власти, тирании). Такое происходит и с «русскими женами» – например, в Америке, где, кажется, всерьез стоит проблема жестокого обращения с иностранными женами (см. форумы с обсуждением «абьюза»²⁶, на которых можно найти ссылки на официальные документы). Немецкий мир этой проблемы, по счастью, почти не знает; во всяком случае, «новым немкам» такой вариант практически не грозит.

Итак, из популярной западной беллетристики будущая «русская жена» нередко выносит «мораль»: строя семью на Западе, следует если не опроститься, то инсценировать опрощение, забыть язык саморефлексии и самоутверждения и усердно учить язык соблазна. Надлежит забыть об интеллектуализме, поисках понимания и надежде на сочувствие. В общем, оставь «феминизм», всяк сюда входящий...

Российская пресса: забота о «яйцеклетках» России и «феминизм»

Само собой разумеется, на сохранение традиционной женской роли настаивают и русские источники, начиная с классической русской философствующей литературы и русской художественно-философской публицистики, создавшей особую репутацию русским женщинам, важнейшей составляющей которой стала специфически русская любовь-«жалость», «душевность» и т.п. Говорить на эту тему подробно нет нужды (все это общеизвестно) – можно разве подчеркнуть, что пафос поэтизации русских культурных традиций благополучно пережил смену культурной парадигмы в 90-х.

Сегодня эта идея укрепляется и новыми вызовами, и новыми аргументами. Обострение дискуссии о перераспределении гендерных ролей в российском обществе во многом может быть следствием перехода от полиэтничного государства, каким был СССР, к национальному (при неблагоприятном течении процессов – националистическому). Взаимосвязь национализма и патриархатной идеологии в новейшей истории неплохо исследована, поэтому ограничимся лишь указанием на это обстоятельство как на актуальный контекст описываемых процессов.

В 2003 году российскую прессу всколыхнуло заявление депутата Александра Чуева о «страшном понятии женской эмансипации»: озабоченный низкой рождаемостью депутат предлагал «пересмотреть итоги эмансипации жен-

щин»²⁷. Демографическая ситуация в России и в самом деле становится все тревожнее: на каждую женщину приходится в среднем 1,3 ребенка, при среднем показателе в 2,45 в Турции. Это примерно столько же, сколько в Германии, так называемой стареющей стране, где, как утверждают, только приток иммигрантов может смягчить драматизм положения. (Смягчить, но не снять! По расчетам немецкого Института исследования хозяйства – *DIW* – в 2050 году доля стариков, несмотря на иммиграцию, составит 40%²⁸.)

Однако идея о прямой зависимости между демографическим кризисом и женской самостоятельностью, свободой выбора и самоутверждением вне традиционной роли домохозяйки и воспитательницы детей лишь на первый взгляд кажется справедливой. Имеется интересное немецкое исследование, развенчивающее этот «патриотический», а по существу – патриархатный, миф. Выясняется, например, что профессиональная жизнь не ведет с необходимостью к бездетности (так, в Исландии, где детей много, 90% женщин профессионально заняты). Что традиционное разделение ролей между мужчиной и женщиной не гарантирует увеличения потомства (как раз в бедных детьми Испании и Греции занятых на работе 25-54-летних женщин не больше, а на целых 35% меньше, чем мужчин. В Швеции же эта брешь только 4%). Что «стабильные» семьи не ведут к увеличению количества детей... Статистика убеждает: больше женщин решаются иметь детей не там, где общество отказалось от эмансипации, а там, где обеспечено подлинное равенство полов. Где не нужно выбирать между самостоятельностью и профессиональным ростом, с одной стороны, и воспитанием детей – с другой, где можно совмещать одно с другим. И это прежде всего Исландия с ее 1,93 ребенка на женщину, Норвегия с показателем 1,75 ребенка. Вывод авторов исследования однозначен: «Общества, в которых новая роль женщины признается и поддерживается, отличаются <...> относительно высоким количеством детей. <...> Если женщины (и их партнеры) эмансипированнее и “современнее”, чем общество, в котором они живут, желание иметь детей и жизненные планы более не совпадают. Эти пары чаще решают не иметь детей»²⁹.

Российская же пресса, напротив, убеждает россиянок в том, что «феминизм» – непатриотичен. Однако это утверждение верно с точностью до наоборот: те мероприятия, что предлагают авторы немецкого Института населения и развития, утверждают как раз идею женского освобождения и развития как единственно реальное условие повышения рождаемости и укрепления социальной стабильности общества.

Любопытно, что критика «феминизма» в российской периодике нередко прямо обращена к уезжающим женщинам. Феминизм нецелесообразен для русских невест – эту идею международных брачных агентств нетрудно найти и в российской прессе. «Американская женщина, рабыня феминизма и равноправия, слишком требовательна, хорошо знает свои права», – то же медийное заяв-

ление, что встречается и в практике брачных посредников. Западные мужчины – «жуткие жмоты и скупердяи», миллионеры, заказывающие в ресторанах пятидолларовый сэндвич, взимающие «с родной половины за харч и постой, пользование стиралкой, душем, феном, его презервативами и видом на цветущий забор». Попадающиеся же на удочку брачных зазывал женщины наивны, женственны (тут создаваемый посредническими бюро имидж подтверждается). Но и... корыстны: «Филиппинки – домоседки и домохозяйки, верные до гроба, китайки и вьетнамки – искусные поварахи и безропотно приветливы, русские – красивые, хороши в постели и образованны. И все они ни бельмеса не понимают в американской жизни, все они готовы рвануть на призрачный хруст зеленых очертя голову»³⁰.

За предостережениями желающим уехать в российской прессе просматривается определенная стратегическая линия. Нетрудно прочитать их в контексте все той же российской демографической ситуации: в обиход уже введено понятие «утечки яйцеклеток». Псевдозаботы о судьбах отъезжающих женщин скрывают все ту же тревогу об утрате «яйцеклеток» и транслируют все ту же унижительную для женщин сексистскую позицию объективизации, овеществления их тел и душ.

Но этот подтекст читает не всякая женщина. Скорее всего, читательница поверит информации «из первых рук». И не забудет установку, полученную из прессы.

«Русские жены» между феминизмом и традицией. Преодолеть менталитет

«Это в России суп сварил – и ешь 3 дня... А у меня муж – немец...»

«Пепе начал себя называть “наша хозяйка”...»
(из рассказов на консультациях)

Вернемся к теме последствий выбора, который неосознанно совершает СН. Когда «умеющая себя дарить» женщина обнаруживает себя в новообразованной семье, она оказывается пленницей навязанной ей роли, обязанной соответствовать ожиданиям.

Два варианта ожидают «русскую жену». Один – перегрузки, связанные с попыткой все успеть: реализовать свои возможности, зарабатывать и быть самостоятельной, обеспечить бесперебойную работу домашнего «производства», комфортный психологический микроклимат, лад в семье (перегрузки, как уже говорилось, двойные). Другой включается тогда, когда женщина не находит работы и в итоге работает дома – обслуживает домашнее хозяйство, при этом

не допуская и мысли об изменении положения дел. Например, о том, что муж мог бы хоть иногда разгрузить ее – дать ей время и шанс реализовать себя профессионально, социально, личностно. Мужа «жалко», рассуждает она: тянет на своих плечах груз забот по содержанию семьи. Он – «кормилец», а она не зарабатывает (поскольку сидит дома с детьми и занимается хозяйством), поэтому может ли «русская жена» заговорить о найме няни или домработницы? (Тем более при скромном заработке мужа!) Нет, конечно.

Справедливости ради следует сказать, что разговор этот русская женщина уже начала, правда, не в зарубежье, а на Рублевке (что метафорически – то же зарубежье для массы живущих в России мужчин и женщин). Татьяна Огородникова в своей сенсационной апологии брачного контракта подсчитала скромную стоимость домашнего труда женщины. За десять лет жизни в браке среднестатистическая «рублевская» жена зарабатывает «хаускиперскими трудоднями» от 2,5 до 3-х миллионов долларов – и это только «широким мазком», без учета «непредвиденных расходов» (вроде консультации диетолога или стилиста) и 10-процентной доли в бизнесе³¹. Можно, конечно, иронизировать над размером финансовых аппетитов автора и стилем криминальной «терки», понижающим этот разговор с мужским миром по его же «понятиям», но сам факт назревающей революции в оценке женского домашнего труда не может не радовать. Хотя революция эта в полном соответствии с отечественной историей опять совершается сверху – «первым поколением богатых русских девочек» (О. Робски) и, вероятно, с тем же исходом, что и все инициированные элитой перевороты. Вернемся, однако, к главному предмету нашего разговора – к тем носителям традиционной российской феминности, без изменения сознания которых любая революция так и останется локальным переворотом.

Казалось бы, фокусировка на ведении домашнего хозяйства для женщин, не сумевших инкорпорироваться в западную армию труда, – вполне логичный и справедливый поворот событий. Есть, правда, одно «но»: женщина при этом неизбежно впадает в полную зависимость от работающего супруга, упускает возможность самостоятельности и самореализации, оказываясь в замкнутом кругу, из которого со временем все труднее выйти. Если женщина отдается приоритетам семьи, вхождение в немецкий рабочий рынок и социум отодвигается для нее на неопределенно время. После рождения детей женщина и вовсе погрязает в быте. Когда наконец она решается наверстать упущенное (когда дети подрастут, мама почувствует себя свободнее, ощутит себя готовой начать работать), шансы получить работу оказываются решительно невелики. Конкурентками СН оказываются юные немецкие динамичные (и феминизированные) женщины, ставящие карьеру превыше семейных забот.

Даже немецкая женщина после отпуска по уходу за детьми принадлежит уже к иной категории – *Berufsrückkehrerin*: она «возвращается в профессию». Она подрастеряла квалификацию и должна вновь обрести ее на специальных

курсах. А «русская жена» стоит на пороге новой жизни с образованием, полученным в чужой стране (порой неподтвержденным), без опыта социального общения в новом мире. Кроме того, со временем все больше страдает самооценка оставшейся дома женщины: она утратила уверенность в себе, ей кажется, что ее ценность для рынка труда стремительно падает, катастрофически утрачиваются профессиональные знания и навыки, да и просто память (как и интеллектуальные способности вообще). Вынужденная все время отдавать семье, женщина чувствует себя запертой в домашней тюрьме, изолированной от общества, с геттоизированным кругом друзей (вариант во многом такой же, как у РН). Хорошо, если при этом муж не обвинит ведущую хозяйство женщину в том, что она сидит у него на шее...

Есть ли у СН возможности устроить судьбу иначе?

Западные мужья «русских жен» воспитаны феминизмом не менее, чем западные женщины. Более того, на сегодня на Западе выросло уже несколько поколений людей, изучавших основы феминизма в университете и основы ведения домашнего хозяйства в школе. Мужчины в «феминистически грамотной» Германии в принципе готовы взять на себя хотя бы часть домашней нагрузки – закупки или, скажем, приготовление пищи. Во всяком случае, мужчины, занятые интеллектуальным трудом. Они готовы разделить не только обязанности, но даже взять их на себя, если этого требуют обстоятельства. Не говоря уже о готовности нанять няню или пригласить из-за границы *au pair*.

Но готовы ли женщины делиться своей ношей? Как много времени займет эта внутренняя, а потому гораздо более сложная и конфликтная, перестройка сознания? Где она будет протекать интенсивней и результативней – в России или в зарубежье, под воздействием более либеральных (но чужих и чуждых!) стандартов? Все эти вопросы намечают перспективы предпринятому нами исследованию. Пока же, резюмируя сказанное в рамках данной статьи, приходится признать: в Германии русской женщине надо преодолевать не сопротивление патриархально настроенного общества, но – прежде всего – свой (русский? советский?) менталитет...

¹ Беспроblemную иммиграцию и интеграцию представить трудно; такие случаи, может быть, и есть, но пишушим эти строки они незнакомы. Проблемы языкового характера, самоутверждение на рынке труда, привыкание и приспособление к чужим образу мыслей и стилю жизни, обычаям и особенностям культуры – это только те трудности всеобщего характера, что первыми приходят в голову.

² Zuzug von AussiedlerInnen 1950 bis Ende 2003 [Diagramm], *Internetseite des Bereichs Migration & Qualifizierung des DGB Bildungswerk*, http://www.migration-online.de/data/0122_zuzug_von_aussiedlerinnen_1950_bis_ende_2003.jpg.

- ³ В 2005 году вступил в силу «Закон об иммиграции», выравнивающий права переселенцев и иностранцев.
- ⁴ Sprachfertigkeiten in der deutscher Sprache (Index), *Internetseite des Bereichs Migration & Qualifizierung des DGB Bildungswerk*, http://www.migration-online.de/data/7_versus_abb_tab2_sprachfertigkeiten_in_der_deutschen_sprache.jpg.
- ⁵ Heinen U., «Zuwanderung und Integration in der Bundesrepublik Deutschland», *Informationen zur politischen Bildung (Heft 267)*, http://www.bpb.de/publikationen/08604866861222132867858162468689,0,0,Zuwanderung_und_Integration_in_der_Bundesrepublik_Deutschland.html.
- ⁶ Ibid.
- ⁷ См., напр.: Протасова Е.Ю. «Особенности русского языка у живущих в Германии», *Русистика сегодня*, № 1, 1996, с. 51-59; Менг К., Протасова Е.Ю. «Языковая интеграция российских немцев в Германии», *Изв. АН. Сер. яз. и лит.*, Т. 61, № 6, 2002, с. 29-40; см. также: Менг К. unter Mitarbeit von Protassova E. *Russlanddeutsche Sprachbiographien. Untersuchung zur sprachlichen Integration von Aussiedlerfamilien* (Tuebingen: Narr, 2001).
- ⁸ Sprachfertigkeiten in der deutscher Sprache (Index), *Internetseite des Bereichs Migration & Qualifizierung des DGB Bildungswerk*, http://www.migration-online.de/data/7_versus_abb_tab2_sprachfertigkeiten_in_der_deutschen_sprache.jpg.
- ⁹ См.: Polinski M.S. «American Russian: A new Pidgin», *Моск. лингв. журнал*, Т. 4, 1998; Земская Е.А. «Сорняк или роза? (К вопросу о сохранности русского языка у эмигрантов четвертой волны)», *Изв. АН. Сер. яз. и лит.*, Т. 61, № 4, 2002; см. также: Земская Е.А., Гловинская М.Я., Бобрик М.А. *Язык русского зарубежья: Общественные процессы и речевые портреты* (М., Вена: Языки славянской культуры: Венский славистический альманах, 2001) (Studia Philologica).
- ¹⁰ Форум при сайте «Ворота в Германию», <http://www.vorota.de/Thread.AxCMS?ThreadID=496101&ThemaID=1000&Geo=2000&FPage=0>.
- ¹¹ О переориентации немецкой школьной системы см.: Belke G. *Mehrsprachigkeit im Deutschunterricht*. 3., korrigierte Auflage (Baltmannsweiler: Schneider Verlag Hohengehren, 2003).
- ¹² Впервые он прозвучал в нач. 1962 в радиопередаче с участием Нильса Эрика Хансегарда, который потом подробнее развил идеи в других работах.
- ¹³ См. краткое изложение его идей в: Cummins J.«Linguistic Interdependence and the Educational Development of Bilingual Children», *Review of Educational Research*. Spring, 1979, Vol. 49, No. 2, p. 222-251.

- ¹⁴ Нет сомнений, что такие поведенческие стратегии эксплицируют очень специфический социокультурный портрет описываемой генерации, который становится еще рельефнее в сопоставлении с линией на многоязычие, поколениями культивированной и поддерживавшейся представителями первой эмиграции. Четвертая же, в лице «переселенцев», на протяжении одного поколения теряет свой единственный язык...
- ¹⁵ Любопытная рефлексия на эту тему имеется в популярном пособии для голддигерш, изданном недавно О. Робски и К. Собчак. Старательно каталогизировав все преимущества брака с иностранцем, они резюмируют: «тихая предсказуемая жизнь с мужем и очаровательными детишками в государстве, напоминающем респектабельный морг» учит на практике, «что такое истинная практичность и рачительность», и «опыт показывает, что на русских барышень эти слова имеют действие не менее эффективное, чем рвотный порошок» – Собчак, К. Робски О. *Замуж за миллионера или брак высшего сорта* (М.: Астрель: АСТ, 2007), с. 128, 125. У голддигерш, конечно, свои причуды, но стереотип брака с иностранцем все же базируется на некоторых стандартных ожиданиях, не имеющих ничего общего с протестантской (в массе) бытовой культурой западноевропейских и североамериканских мужчин. Тем драматичнее протекают дежурные для всех браков кризисы первых лет.
- ¹⁶ Bruha T., Seeler H.-J. (Hg.) *Die Europaeische Union und ihre Sprachen* (Baden-Baden: Nomos Verlagsgesellschaft, 1998), S. 41. (Schriftenreihe des Europa-Kollegs Hamburg zur Integrationsforschung; Bd. 19).
- ¹⁷ Skuttnab-Kangas T. *Bilingualism or Not: The Education of Minorities* (Clevedon, 1981), p. 153-156. (Multilingual Matters, 7).
- ¹⁸ Grundig B. «Kinderlose Frauen vs. Frauen ohne Kinder: zum Problem der Messung der Kinderlosigkeit in Deutschland?», *ifo Dresden berichtet*, 13 (05), 2006, S. 31-35. Исследование опирается на результаты так называемой «социально-экономической панели»: традиционные методики «преувеличивают» проблему, поскольку в число бездетных попадают матери детей, рожденных вне брака и матери взрослых (живущих отдельно) детей.
- ¹⁹ *Internet-Seite von Bernd Kittlaus «Das Single-Dasein ein Abstellgleis? Oder: Sind wir auf dem Wege zur "Single-Gesellschaft"»*, www.single-dasein.de; *Internet-Seite von Bernd Kittlaus «Die Single-Generation Oder: Die Generationendebatte und die Single-Gesellschaft»*, www.single-generation.de.
- ²⁰ Из известных в России персон к «поколению гольф» причисляют Кристиана Крафта, Юдит Герман, а также – из русских, пишущих на немецком, – В. Каминера.

- ²¹ См. сайты знакомств: <http://www.dateworld.ru/> (примерно тот же текст на сайтах: <http://www.inostrancy.ru/>, <http://www.devushkam.com.ua/>); <http://singles.mk.ua/> (тот же текст <http://ru.russian-brides-club.net/>); <http://flaminica.ru/foreign.php>.
- ²² См. сайты знакомств: www.sbaqa.org; тот же текст – <http://www.3hacomctbo.com/>
- ²³ *Russian Women Black List*, <http://www.womenrussia.com/blacklist.htm>.
- ²⁴ См. сайты знакомств: <http://www.dateworld.ru/>; <http://www.inostrancy.ru/>, <http://www.devushkam.com.ua/>.
- ²⁵ Роман цитируется по электронному изданию книги: Уэльбек М. *Платформа* (М.: Иностр. лит., 2002), найденному нами в одной из интернет-библиотек: *Библиотека Альдебаран*, <http://www.aldebaran.ru>.
- ²⁶ Например, *Форум русских невест и жен*, <http://www.russian-fiancee.com/rus/forum/viewtopic.php?t=17895>.
- ²⁷ *Интернет-библиотека СМИ*, <http://www.public.ru/1p.asp?id=11087>.
- ²⁸ *Zuwanderung*. (Köln: Deutscher Instituts-Verlag, 2002) (Dossier; 20).
- ²⁹ Kröhnert S., van Olst N., Klingholz R. «Emanzipation oder Kindergeld? Wie sich die unterschiedlichen Kinderzahlen in den Ländern Europas erklären», *Berlin-Institut für Bevölkerung und Entwicklung*, http://www.berlin-institut.org/pdfs/emanzipation_oder_kindergeld.pdf. S.13.
- ³⁰ Левинтов А. «Брак без связи», *Известия*, <http://www.izvestia.ru/russia/article38481>, 06.05.2006.
- ³¹ См.: Огородникова, Т. *Брачный контракт, или who is ху...* (М.: Центрполиграф, 2006).